

рения, возникшего благодаря особенности переписки? Я. С. Лурье отвечает на этот вопрос отрицательно: «Дальнейший рассказ отличается некоторой композиционной запутанностью: в доказательство недопустимости „молится за гибель“ кого бы то ни было, царь приводит два сходных рассказа о „святых мужах“ Карпе и Поликарпе, дважды сопровождая их одинаковым заключением... Вряд ли можно, однако, считать эту композиционную запутанность (встречающуюся, как мы увидим, и в списках хронографической редакции) делом рук переписчика списка Археографической комиссии: соединение двух сходных рассказов и повторение одинакового заключения могло иметь место и в оригинале послания Грозного».⁹¹ Далее в объяснительных записках исследователь еще раз повторяет свою мысль о «композиционной запутанности» этого места в послании Ивана Грозного.⁹² Еще большее затруднение эта часть создала для Я. С. Лурье в связи с его толкованием и отождествлением использованных источников. Указывая коротко⁹³ на то, что «притча о Карпе» была взята из приписываемого Дионисию Ареопагиту «Послания к Димофилу»,⁹⁴ причем в русском переводе,⁹⁵ комментатор добавляет: «Происхождение второй притчи менее ясно». Как сам Я. С. Лурье напоминает, давно уже высказано мнение,⁹⁶ что героем второй притчи нужно считать известного архимандрита Печерского монастыря Поликарпа (XII в.).

Немецкий ученый Штелин, принимая предположение о тождестве упомянутого Поликарпа с архимандритом Печерского монастыря Поликарпом, добавляет, что, в сущности, в послании русского государя даны два варианта одного и того же рассказа.⁹⁷ Я. С. Лурье вполне правильно возражает⁹⁸ этим предположениям, заявляя, что если их принять, «то получится абсурдный вывод, что в византийском сочинении V—VI вв. н. э. шла речь о киевском архимандрите XII в.». В то же время он отмечает, что в краткой редакции послания Ивана Грозного прямо указывается, что отрывок взят из «послания божественного Дионисия о Поликарпе Измирском»⁹⁹ и, следовательно, принадлежит тому же Дионисию Ареопагиту. Здесь советский исследователь с сожалением добавляет, что «в отличие от истории Карпа история о Поликарпе не обнаруживается в известных нам сочинениях Ареопагита — ни в русском переводе в Четьих-Минеех, ни в греческом тексте». После всех этих замечаний исследователь заключает: «Каким образом в послании Грозного оказались рядом два варианта одной притчи, сказать трудно. Поскольку такое удвоение имеется в разных группах списков, следует думать, что оно раннего происхождения и может быть сделано самим Грозным или кем-либо из лиц, помогавших ему в составлении послания (вставлявшим цитаты по указанию царя)».¹⁰⁰ Некоторые пояснения относительно обоих вариантов даны также и в археографическом обзоре посланий Ивана Грозного.¹⁰¹ Так, в списке послания «сборника князя Курбского» излжение этого места текста сокращено, причем первая притча о Карпе вообще пропущена и, наоборот, со-

⁹¹ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 543.

⁹² Там же, стр. 546.

⁹³ Там же, стр. 608.

⁹⁴ Migne, P. Gr., III (1857), столб. 1083—1100.

⁹⁵ ВМЧ, октябрь, 1—3. СПб., 1870, стр. 764—767 и 788—790.

⁹⁶ Н. Устрялов. Сказания кн. А. Курбского. СПб., 1868, прил. 293.

⁹⁷ K. Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij. Leipzig, 1921, стр. 95, прим. 85; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 608.

⁹⁸ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 608—609.

⁹⁹ Послания, стр. 133.

¹⁰⁰ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 609.

¹⁰¹ Я. С. Лурье. Археографический обзор. — Послания, стр. 552.